

*Охотники
на мамонтов*

СЛЕДЫ ЛЕСНЫХ ВЕЛИКАНОВ

Шевельнулись ветки кустов. Лохматая голова показалась, спряталась и опять показалась в просвете.

Человек это или зверь?

Об этом не сразу можно было догадаться.

Рыжая львиная грива спускалась с этой головы и падала по плечам. На груди она сливалась с огромной бородой и совершенно скрывала шею. Из-под низкого лба остро глядели узкие щели-глаза. А над ними мохнатой щеткой нависали брови.

И все-таки это был человек.

Когда он раздвинул гущу ветвей на краю берегового обрыва, можно было разглядеть его сутулую, коренастую фигуру. На нем было надето что-то вроде короткого мехового мешка, подпоясанного лыком. В прорезы высовывались жилистые руки, обмотанные широкими меховыми браслетами. Левая рука сжимала копые с каменным наконечником. Человек втягивал носом воздух, подставляя под ветер широкие ноздри.

Потом он вылез из кустов, сделал несколько шагов вдоль края обрыва и нагнулся.

Здесь трава и кусты орешника были поломаны и помяты.

Рыжий стал на колени, оперся ладонями о землю, пригнул лицо к притоптанной траве и принялся нюхать ее.

Он нашел след какой-то огромной ступни:

— Хумма, хумма, хумма!

Он трижды прошептал это странное слово, поднялся и поманил кого-то к себе волосатой рукой. Потом приложил к носу указательный палец и сделал рукой плавный жест, как будто закручивал в воздухе невидимую спираль. Затем высоко поднял ладонь и два раза помахал ею.

Кому делал он эти знаки?

Не прошло и четверти минуты, как из чащи показались еще два человека.

По наружности они резко отличались от первого. Оба были много выше. Они были молоды и стройны.

На их лицах не было ни усов, ни бороды. Прямые черные волосы, перевязанные на макушке, торчали пучком. В середину такого пучка было воткнуто перо, а у пояса сзади болталось по лисьему хвосту. Горбатые тонкие носы, широко раскрытые глаза и соболиные брови придавали им смелый и воинственный вид.

Рыжий еще раз прошептал: «Хумма!» — и показал рукой на север. Молодые ответили ему выразительными движениями: они радостно подпрыгнули на месте и взмахнули копьями.

Все трое выбрались на край речного обрыва. Внизу перед ними расстилалась долина Большой реки. На другой стороне зеленела мокрая пойма. На заливных лугах блестели узенькие озерки и лужи: их оставило здесь половодье. Люди осмотрелись и стали спускаться вниз, цепляясь руками за длинные корни деревьев. Ниже обрыва начиналась пологая и мягкая осыпь; по ней тянулись звериные тропы. Одна, самая нижняя, была и самой широкой. На ней среди давних оленьих следов виднелись огромные свежие следы какого-то гигантского зверя.

— Хумма! Хумма! — радостно шептали охотники.
— Хо, хо! Волчья Ноздря! — выкрикивал, смеясь, самый младший из них — Ао.

Это был горячий восторг перед необыкновенным чутьем охотника.

Волчья Ноздря опустился на колени и стал обнюхивать след огромной ступни:

— Хумма прошел, когда солнце проснулось и роса высохла.

Рыжий разбирал следы, как грамотей читает книгу. Он внимательно взгляделся в них и прибавил:

— Прошла молодая самка, а тут старая. Здесь детеныш и еще детеныш.

Ао так же пристально изучал следы на краю берега и вдруг хлопнул себя ладонью по коленке:

— По воде шли! Много... много...

Волчья Ноздря засмеялся. Глаза его совсем спрятались в морщинках. Рот растянулся почти до ушей.

Третий охотник, Улла, стал искать что-то в глубине мешочка, сшитого из беличьих шкурок. Он вытащил оттуда белый предмет длиной в ладонь. Это была женская статуэтка, вырезанная из мамонтовой кости. Статуэтка была сделана очень искусно. Она изображала пожилую женщину с тонкими, прижатыми к груди руками. Голова ее была опущена. На голове можно было различить что-то вроде шапочки, покрывающей прическу. Или, быть может, это были изображены завернутые венцом косы.

Лица охотников стали сразу же серьезными. Волчья Ноздря посмотрел кругом и выбрал место, где отвесная стена обрыва ближе всего подступала к реке. Со статуэткой в руках он направился туда.

Снизу белели известковые пласты, почти закрытые рыхлой осыпью. Над ними лежала толща плотной глины.

Взобравшись на мягкую площадку осыпи, Волчья Ноздря прежде всего наскреб руками кучу земли и воткнул в нее до колен белую статуэтку.

Ао подошел к обрыву и уверенными взмахами копья начертил на гладком откосе очертания зверя. Это был горбатый мамонт на толстых ногах. Он был покрыт прядями длинных волос и высоко поднимал концы могучих клыков. Фигура мамонта была сделана немногими скупыми линиями, но так искусно, что с первого взгляда можно было узнать, кого изображает рисунок. Это искусство настоящего художника, у которого был глаз охотника, привыкшего подмечать все особенности и повадки зверя.

Едва только Ао закончил рисунок, как все трое быстро отпрянули прочь. Глаза их были широко открыты; челюсти плотно стиснуты; пальцы судорожно, с силой сжимали короткие копыта; мускулы ног и всего тела натянуты, как струны.

Они медленно пятились назад, чтобы быть подальше от обрыва: там перед ними стоял хумма — живой, мохнатый, страшный.

Охотники опустились на колени: Ао и Улла — по бокам, Волчья Ноздря — посередине, позади статуэтки. Здесь они были в полной безопасности: их охраняла колдовская власть Матери матерей, покровительницы их поселка, могучей заклинательницы вражеских сил и невидимой спутницы во всех их опасных охотах.

Все трое воткнули в землю острием вверх свои копыта и ничком припали к земле; потом вскочили на ноги и затаили протяжную песню. Под монотонный мотив начался охотничий танец. Они ходили вокруг копий друг за другом, сгибая через каждые три шага то одно, то другое колено.

И песня и танец не были для них развлечением. Это было заклинание. Заклинание должно было принести им, как они думали, охотничье счастье. Слов в песне было немного. Говорились они как бы от имени статуэтки, от имени самой Ло — Матери матерей рода Красных Лисиц:

Я Ло, Мать матерей рода Красных Лисиц!
Я заклинаю горбатого хумму.
Заклинаю его бивни, и уши, и все четыре ноги:
Хумма, хумма, пей воду!
Хумма, хумма, иди в гору!
Хумма, хумма, падай в яму!
Хумма, отдай нам твое мясо!
Отдай нам твои бивни и твои кости!
Заклинает тебя Ло, Мать матерей рода
Красных Лисиц.

Охотники хлопнули в ладоши и схватились за копыя. Хумма стоял перед ними живой, косматый и поднимал к небу свой ужасный хобот. Но теперь он был уже им не страшен. Мать матерей укротила его. Она околдовала его своими чарами. Она связала его силу. Теперь он не мог сделать ни шагу от той стены, на которой был нарисован. Охотники набрали горсти песка и стали с силой бросать в чудовище. Они метили в то место, где Ао изобразил глаза — оба на одной стороне.

Зачем они делали это?

Нужно было ослепить хумму, чтобы он не мог видеть охотников.

После этого Ао подкрался к хумме и быстро обвел тупым концом копыя черту вокруг ослепленного зверя. Круговая черта означала ловушку или, может быть, колдовскую силу, которая смыкается вокруг зверя. Как только круг замкнулся, охотники опять

запели свое заклинание. Они долго-долго кружились, приседали и подпрыгивали.

Наконец заклинательный танец кончился. Охотники поочередно вонзали копья в побежденного хумму. Одно из них пробило глаз, другое — сердце, третье — живот. Этим все колдовство завершилось. Оно отдавало хумму в полную власть охотников. Они верили, что теперь хумме от них не уйти. Кто может отнять у них ту добычу, которую уже опутало их заклинание? Разве только какое-нибудь чужое, еще более сильное слово станет на их пути и разрушит волшебную власть Матери матерей.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Самое важное для успеха было сделано. Теперь можно было идти дальше. Но раньше охотники сели отдохнуть. Песни, пляски и заклинания их утомили. Пот градом катился по их лицам. Сердце билось, руки и ноги тряслись. Они только что пережили такие чувства, как будто и в самом деле выдержали борьбу с чудовищем и одолели его. Все трое тяжело дышали и отирали ладонями мокрые лбы. Потом они вынули из-за пазухи запасы пищи и стали есть. Это были большие куски мяса молодой сайги.

Каждый держал большой кусок мяса в левой руке, а в правой — тонкую кремневую пластинку с острым, режущим краем; они вцеплялись крепкими зубами в край мяса, а потом кремневым лезвием отрезали кусочек перед самыми зубами.

Иногда им удавалось сразу отгрызть кусок, чаще же они довольно долго перепиливали волокна мускулов и сухожилий своими осколками кремня. Ели много. Нужно было утолить голод, успокоиться

и собраться с силами, чтобы продолжать путь в поисках добычи.

Тропа мамонтов привела их к самой реке. Вдруг Волчья Ноздря остановился. Против устья оврага протянулась песчаная отмель. Вся она была покрыта свежими следами целого стада мамонтов. Здесь хуммы пили, купались, обливали друг друга водой, посыпали себе спины песком, а мамонтихи кормили тяжеловесных и неуклюжих мамонят. Там и сям по отмели раскиданы были кучи помета.

— Хуммы пили воду, — сказал Ао и хлопнул по плечу Волчью Ноздю.

Ноздря засмеялся. Он вспомнил слова заклинания:

Хумма, хумма, пей воду!
Хумма, хумма, иди в гору!

Свежие следы вели к оврагу, и скоро тропа со следами животных пошла наискось вверх, на правый берег оврага.

Ноздря опять засмеялся.

— Хумма, хумма, иди в гору! — бормотал он.

На высоком берегу оврага стеной стоял осиновый лес. Мамонты проложили тропу по самому краю обрыва. Тропа была вытоптана крепко. Видно, стадо было большое и звери уже не раз спускались здесь на водопой.

Охотники шли гуськом, друг за другом, пока чаща не стала светлеть. Перед ними открылась выжженная широкая поляна, покрытая низким кустарником. Кое-где на ней торчали черные стволы горелого леса.

Несколько лет тому назад в жаркую погоду разыгралась гроза. Молния ударила в сухую ель. Дерево вспыхнуло, как свеча; от него загорелись кучи

валежника. Ветер раздул лесной пожар. Выгорел большой участок. Среди черных пней выросли высокие травы и ягодные кустарники. Летом густыми чащами поднимались целые полчища алых кипреев и густо кустилась земляника.

Охотники успели сделать только несколько шагов, как из-за кустов показалось стадо мамонтов. Здесь были и старые и молодые. Совсем маленькие — приплод этого лета — жались к волосатым животам матерей. Хуммы мирно паслись под охраной огромных самцов. Они угрюмо стояли по краям, как коричнево-бурые холмы, медленно шевеля мохнатыми ушами. Огромные хоботы их качались, как маятники гигантских часов.

Толстые самки держались в середине со своими мамонтиятами-сосунками и заботливо подзывали их, когда те пробовали отойти в сторону. Матери попискивали при этом тоненькими, скрипучими голосами, похожими на слабый поросячий визг. И странно было слышать, что такие звуки исходили от этих колоссальных и неповоротливых животных. На обильных летних кормах мамонты сильно жирели, спинные горбы их превращались в мешки, туго набитые салом. Теперь же горбы не были так высоки, как осенью.

Охотники жадно смотрели на мохнатых великанов. У Волчьей Ноздри глаза сверкали, как у голодного волка. Он облизывался и часто глотал набегавшую слюну.

Вдоволь насмотревшись, он толкнул тихонько локтем сначала одного, потом другого соседа и знаками показал, чтобы они шли за ним. Осторожно, низко пригибаясь, они почти доползли до края оврага и спустились вниз, к реке.

Охотники решили гнать мамонтов к селению Красных Лисиц, где для них давно приготовлена ловушка — ямы.

Погнать мамонтов! Три человека, одетые в меховые мешки, говорили об этом так просто, как будто это было стадо косуль.

Большерогие олени в ужасе шарахались в чащу, когда на лесной тропе показывалась гигантская фигура вожака мамонтов. Могучие зубры уступали им дорогу. Огромный серый пещерный и бурый лесной медведи не решались вступать в бой со взрослым мамонтом. Даже свирепый северный носорог, при всей злобности своего характера, предпочитал не встречаться с чудовищными бивнями хуммов.

Откуда же эта непомерная дерзость? Неужели эти голые двуногие, которые выучились таскать с собой палки с каменными наконечниками, сильнее медведей, зубров и злобных шерстистых носорогов?

Охотники направились вверх по оврагу, чтобы оттуда пробраться в тыл мохнатому стаду. Но прежде чем начать действовать, нужно было призвать на помощь силу Матери матерей. Правда, заклинание покровительницы племени уже произнесено, но сейчас предстояло выполнить самую трудную задачу: надо было заставить мамонтов идти туда, куда было нужно.

Белую статуэтку снова вытащили из беличьего мешка. Все три охотника тихо шептали ей в уши ласковые слова и деловито рассказывали все обстоятельства охоты. Времени терять нельзя: нужно было только объяснить поскорее, куда должна быть направлена неодолимая сила заклинания. Пошептав, охотники вскочили на ноги. Ао взял в руки стату-

этку, быстро поднялся по крутому склону и осторожно высунул голову из-за края оврага.

Хуммы по-прежнему мирно паслись среди кустов на том же месте. Ао поднял белую фигурку Матери матерей. Она должна была сама хорошенько осмотреть и стадо и поляну, чтобы не вышло ошибки.

Через несколько мгновений Ао сбежал вниз. Надо было спешить. Дел впереди еще много. Охотники быстро зашагали в обход спокойно пасущихся мамонтов.

ЧЕГО БОЯЛИСЬ ХУММЫ

Солнце уже спускалось, тени от кустов и деревьев росли.

Мамонты все еще продолжали неторопливо набивать пищей свои необъятные желудки. Лесная поляна, богатая кормами, была для них настоящим раздольем. Густая трава, пестреющая весенними цветами, сочные лозы ивняка и жимолости, вяжущие язык, ветки молодых осинки и берез — все это было для них лакомым блюдом. Взрослые хуммы держались ближе к опушке, и можно было видеть, как они с треском ломали древесные сучья. Их чудовищные коренные зубы, тяжелые, как жернова, растирали не только траву и листья, но и крепкую кору и древесину. Мамонты так были заняты едой, что, казалось, ни на что не обращали внимания. Вдруг один из вожаков тревожно насторожил уши. Как два огромных кожаных лоскута, они поднялись и оттопырились по сторонам головы. Хобот вытянулся вперед, хумма шумно вдохнул в себя свежую струю холодящего воздуха.

С запада тянул ветерок. Вместе с ним доносился ни с чем не сравнимый запах, который наводил страх

даже на сильнейшего из зверей. Это был едкий, горьковатый запах лесного дыма. К нему примешивался тот особенный дух двуногих существ, которого боятся и звери и птицы.

Маленькие глаза хуммы беспокойно осматривали край поляны, и вот голубоватая струйка дыма зазмеилась с той стороны, откуда восходит солнце. Ветер доносил потрескивание сухих ветвей, душистый запах горящего можжевельника и еловой смолы.

Вожак поднял хобот и протрубил сигнал тревоги. Все стадо разом зашевелилось. Головы гигантов повернулись к востоку, и мамонтихи беспокойным визгом начали подзывать рассыпавшихся по кустам детенышей.

На несколько мгновений взрослые мамонты застыли в немом ожидании. В это самое время от опушки леса отделились три странные фигуры, не похожие ни на одного из жителей леса. Они были густо обвязаны сухими ветками елок. Каждая из них держала в руках по огромному пылающему, как факел, смолистому суку.

Странные существа размахивали огнем и медленно приближались к стаду.

Все горбатые самцы подняли свои огромные хоботы, и отрывистые звуки раздались на лесной поляне. Мамонтихи первые начали отступление. Мамонтята рысью затрусили за ними. Сзади замыкали шествие, тяжело ступая, самцы, растопырив, как крылья, необъятные уши. Самый старый и самый крупный из них все еще стоял на месте и глядел на приближающуюся опасность. Хобот его был грозно поднят к небу, а белые бивни, как толстые кривые стволы, торчали вперед. Они загибались в стороны и назад, как белые края гигантской лиры.

Он стоял один и был похож на темное бронзовое изваяние. Казалось, он готовился встретить таинственных врагов и уничтожить их. Вид его был страшен. Но люди продолжали наступать. В другое время мохнатая фигура чудовища испугала бы их. Но сейчас они чувствовали за собой непобедимую силу, которая все покоряет на своем пути. Мамонты боялись огня, но наивные люди думали, что силу им придало заклинание Матери матерей.

Ао шел впереди. От его факела брызгами разлетались искры. И клубы едкого дыма доносились до ноздрей старого вожака хуммов.

В это время до ушей мамонта долетел призывный зов самок. Великан тяжело повернулся и стал догонять удаляющееся стадо. Он шел не спеша, но огромные шаги его были так широки, что человеку пришлось бы бежать, чтобы не отставать.

Мамонты пересекли поляну. Кусты трещали под их тяжестью. Охотники почти бежали, однако на порядочном расстоянии: близко подходить было опасно.

Хуммы возвращались той же тропой, какой пришли сюда. Самцы иногда останавливались и оглядывались на преследователей. Охотники продолжали размахивать дымящимися ветвями и двигались вслед за ними.

Мамонты дошли до берегового обрыва. Здесь мамонтовая тропа разделялась: одна шла вдоль обрыва на юг, другая — на север.

На минуту мамонтихи задержались. Они оглядывались на отставших мамонтов, как будто приглашая их поскорее следовать за собой.

Когда самцы стали подходить, огромная мамонтиха, самая старая и большая во всем стаде, повер-

нула на северную тропинку, и остальные послушно двинулись вслед за ней.

Охотники очень удивились, когда увидели, что стадо повернуло на север. Как же так: ведь они просили свою Ло, чтобы она помогла подогнать стадо к селению Красных Лисиц, а Красные Лисицы жили к югу, а не к северу от поляны хуммов. Неужели заклинаний было недостаточно?

Они поделились сомнениями с Волчьей Ноздрей.

— Не бойтесь, — сказал Ноздря, — они ищут другого спуска. Этот слишком крутой. По нему хуммам трудно спускаться.

Охотники успокоились.

Между тем хуммы продолжали шагать все дальше и дальше. Эта тропа была и в самом деле более широкой, идти по ней было просторнее.

Мамонтихи шагали осторожно и, почти не переставая, взвизгивали, подзывая детенышей, которые по-ребячьи легкомысленно отбивались то влево, то вправо. Им нравилось забираться в кусты и ломать свежие ветки. Иногда они принимались гоняться друг за другом, обгоняя передовых, ломаясь через кусты.

Шалунам нравилось также, разбежавшись, неожиданно ткнуть лбом идущего впереди прямо в хвост и заставить пуститься резвее вперед, чтобы избежать повторного удара. Один из забияк проделал такую рискованную шалость даже у самого края обрыва.

Получивший удар метнулся в сторону, и вдруг земля поехала под его ногами, комки и камни запрыгали вниз, кружась в облаке пыли. Бедный мамонтенок сорвался с кручи и покатился вместе с ополз-

нем и глиной с головокружительной высоты прямо на прибрежные валуны.

Это случилось так быстро, что никто из взрослых хуммов не понял, что именно тут произошло, тем более что высокая заросль жимолости не давала возможности ясно видеть обоих шалунов в густой зелени кустарников.

Стадо продолжало шагать дальше. Шаги хуммов как будто ускорились. Казалось, они решили отделаться во что бы то ни стало от своих надоедливых преследователей, продолжавших пугать их огнем и дымом.

Наконец они подошли к тому месту, где начинались большой береговой оползень и осыпь, которые образовались здесь, как видно, очень давно, судя по тому, что обваленные части берега заросли не только густой травой, но и молодыми осинками и кустарниками. Тропа мамонтов спускалась здесь наискось и более полого.

Один за другим животные шли к спуску, притапывая подростную траву и обламывая по пути зеленые ветки осинки. Охотники внимательно следили за ними сверху, спрятавшись в зеленой чаще, нависшей над береговым обрывом.

Мамонтов было много. Их длинная вереница отлично была видна с высокого берега. Всех хуммов было бы легко сосчитать. Беда только в том, что охотники считали очень плохо и могли только сказать, что пальцев на руках и на ногах далеко не хватает, чтобы пересчитать всех мамонтих, мамонтят и самцов.

С радостью заметили они, что, как только стадо спустилось на верхнюю береговую террасу, звери-

ная тропа повернула на юг и хуммы по ней двинулись как раз в ту сторону, куда было нужно.

Вздых облегчения вырвался у всех троих, когда они убедились, что заклинание не обмануло их и длинное шествие хуммов направилось в сторону поселка Красных Лисиц.

О добрая старая Ло, славная покровительница рода! Твое колдовство не обмануло. Твоя волшебная фигурка из мамонтовой кости не даром была взята охотниками из рук самой родоначальницы. Ведь это самый верный залог их охотничьего успеха.

КУДА ПОШЛИ ХУММЫ

Мамонты и люди жили в одной стране многие тысячи лет. Когда люди научились охотиться сообща, они стали побеждать самых крупных зверей. Волки, медведи, пещерные гиены с их страшными зубами отступали перед натиском людей с их каменными орудиями.

Мамонты долгое время были непобедимы, но и они в конце концов сделались предметом охоты. Люди научились добывать огонь. Они зажигали сухую траву в конце лета, устраивали лесные пожары, которые ужасали всех зверей и даже мамонтов. Люди научились подстергать и отгонять от стада новорожденных мамонят, чтобы потом захватывать их. Они выучились делать ловушки и загоны, куда попадали и взрослые хуммы.

Вот почему большое стадо мамонтов, несмотря на свою силу, не стало дожидаться нападения этих пахнущих дымом двуногих и предпочло уклониться от неприятной встречи. Пройдя несколько десятков

шагов по верхней террасе, оно нашло пологий спуск и стало медленно спускаться вниз, к самой воде, на влажную полоску прибрежного сырого песка и отшлифованных камешков.

Ао, Улла и Волчья Ноздря спустились по мамонтовой тропе вслед за стадом к берегу Большой реки. Они торжествовали. Волшебная сила Матери матерей, казалось, продолжала действовать неодолимо. Они твердо верили, что им удастся загнать мамонтов в окрестности селения Красных Лисиц.

А тогда...

Вдруг Улла громко ахнул и протянул руки вперед. Отсюда можно было хорошо видеть, как передовая мамонтиха повернула не к югу, а к северу. Хуммы собирались идти не к поселку Красных Лисиц, а совсем в другую сторону.

Что же это значит? Где же помощь Матери матерей? Где ее могущество? Как остановить их? Как заставить повернуть обратно?

Ао торопливо выхватил из мешка и поднял над головой волшебную статуэтку. Волчья Ноздря зашептал заклинательные слова. Все трое начали кружиться вокруг Матери матерей.

Но ничто не помогало. Хуммы упрямо шли своей дорогой. Ни один из них не послушался заклинаний.

Охотники с недоумением смотрели друг на друга и на костяную фигурку. Куда же девалась ее сила?

Вдруг Улла схватил Волчью Ноздю за плечо.

— Гляди! — зашептал он со страхом и показал на лесные верхушки деревьев.

Осины качались и трепетали листьями. Слабый ветерок, который так недавно гнал дым от костра на мамонтов, теперь сменился другим. Вместо него по

лесу шумел северяк, от которого шатались древесные стволы.

— Пущено по ветру, — многозначительно шепнул Улла и тревожно огляделся вокруг.

Волчья Ноздря переменялся в лице, а всегда смелый Ао побледнел; руки у него дрожали.

— Пущено по ветру! — повторил он, как эхо.

— По ветру! По ветру! — зашептал и Волчья Ноздря, и было видно, как волосы на его голове стали топорщиться. Так встает шерсть на загривке у волка, когда он чует опасность.

Все трое стали пристально вглядываться в кусты. Ветки их подозрительно качались. Не понимая причин перемены ветра, они решили, что кто-то более сильный в этих местах стал у них на дороге. Это он уничтожил силу заклатья, которое помогало им до сих пор. Чья-то чужая колдовская власть вмешалась в их охоту и повернула все по-своему. Хотя бы один из хуммов пошел к поселку Красных Лисиц!

— Это Куолу! — сказал Волчья Ноздря.

В тревоге охотники спустились к самой воде. Здесь против устья оврага находилась та самая длинная отмель, которую топтали мамонты. Долина реки уходила прямо на север. Там, где-то далеко, по рассказам стариков, скрывалось озеро. Из него рождалось начало Большой реки, а еще дальше лежал Великий лед. Оттуда неслись холодные ветры и приползали туманы.

Охотникам было видно, как вереница темно-коричневых мамонтов тянулась гуськом у самой воды по мягкой песчаной береговой полосе. Над береговой террасой поднимались почти отвесные обрывы

высокого правого берега, поросшего лиственным лесом. Люди стояли в растерянности. Теперь они не старались догонять зверей, но и упускать их из виду им тоже не хотелось.

Расстояние между ними увеличивалось, хотя стадо было еще хорошо видно.

Ао оглянулся и зашептал:

— Смотрите, смотрите!..

Он указывал пальцем на береговую кручу, под которой они стояли. Там в густом буреломе свалившихся с вершины берегового карниза сухих деревьев шевелилось что-то темное. Скоро острые глаза охотников рассмотрели фигуру молоденького хуммы, застрявшего головой среди толстых стволов. Он угодил туда, когда упал вниз с высокого берега. Это был тот самый мамонтенок, который так неосторожно расшалился, когда стадо хуммов проходило по краю обрыва.

Мамонтенок упал головой в груды бурелома и переломил себе спинной хребет. Он еще двигал ушами и хоботом, но это были уже последние, предсмертные движения.

Быстрыми прыжками охотники добрались до мамонтенка, перелезая со ствола на ствол и расчищая себе дорогу среди чащи засохших, изуродованных ветвей.

Один бок маленького хуммы был сильно ободран, и обломок сучка глубоко вонзился ему между ребрами.

Оглушив мамонтенка крепкими ударами по голове камнем с острыми краями, Ноздря принялся острием своего копья расширять его рану.

Из раны тонкой струйкой побежала темная кровь. Ноздря подставил сделанную из бересты черпалку

и набрал теплой мамонтовой крови. Выпил до дна, не отрываясь, и передал черпалку Улле. Молодые охотники последовали примеру Ноздри.

По поверью, жизнь молодого хуммы вошла в них вместе с кровью. Теперь они все трое вооружились кремневыми ножами и собирались уже вырезать себе по куску еще теплого мяса, как вдруг чей-то сердитый окрик заставил их содрогнуться.

Высоко над собой, на самом краю обрыва, они увидели дородную фигуру полуголого человека. Одна только волчья шкура охватывала его стан. Длинные волосы прядями рассыпались по плечам.

Волосатый человек махал сучковатой дубиной.

— Наши хуммы! — кричал он, размахивая руками. — Наши хуммы! Чужое мясо! Плохо гоняться за чужой едой!

Волосатый орал и визжал изо всех сил и яростно грозил дубиной.

— Это Куолу. Это он пустил ветер на хуммов, — зашептал испуганно Волчья Ноздря.

Охотники отпрянули прочь и быстро сбежали вниз, на песчаную террасу. Зубы у них стучали от страха. Куолу нагнулся, поднял с земли камень и швырнул с высоты в охотников. Волчья Ноздря бросился ничком на песок и обеими ладонями закрыл голову. Ао и Улла сделали то же. Так лежали они неподвижно, откинув в сторону оружие и уткнувшись лицом в землю.

Куолу еще продолжал кричать. Он швырял камнями, грозил, что не даст им изловить ни одного зверя, что испортит им всякую охоту.

Охотники отошли в сторону и знаками показывали рассерженному Куолу, что отказываются от своей неожиданной добычи.

СОДЕРЖАНИЕ

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Следы лесных великанов	7
Преследование	12
Чего боялись хуммы	16
Куда пошли хуммы	21
Куолу	27
Неожиданная встреча	32
Утро в поселке Чернобурых	34
В землянке Уаммы	37
Художник Фао	43
Колдовская пляска	46
Загон оленей	50
Пир	54
Приглашение на праздник	58
Опять Куолу	61
Вурр	66
Игры победителей	68
Что снилось Ао	73
Лесные свадьбы	75
Испытание Уа	76
Мечь Куолу	80
В мастерской Тупу-Тупу	85
На чем порешили в мастерской Тупу-Тупу	88
Тот, кто убивает носом	91
С оборотнем надо покончить	94
Тундра и криволесье	96

Трещина	101
Сердце хуммы	106
Аммуны	107
Обратный путь	109
Тревога	112
Неожиданные гости	114
Что случилось за это время в поселке	117
Встреча гостей	123
Гнездо колдуна	126
Облава	133
История ловушки	137
Конец Уллы	139
Пир победителей	141
Переселение	143

ПОСЕЛОК НА ОЗЕРЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уоми	149
Уоми и Дабу	150
Душа Священного Дуба	154
О чем думал Уоми	155
Двадцать два года назад	157
Близнецы	160
Детство Уоми	162
Тропюю зубров	168
Встреча	170
Что было с Уоми в чужой земле	172
В хижине Мандру	175
Пир	178
Сон	180
Пробуждение	182
Утро в хижине Гунды	184
Челнок	185
Пижму и Мандру	189

Кто был убийцей Мандру	194
Похороны	196
Тризна	200
Вместе с матерью	203
Заговоренный посох	207
Лосиха	209
Пижму или Уоми?	211

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Совет стариков	215
Молодые и старые	218
Сборы в поход	219
Пижму	221
Замысел Пижму	223
Урхату	224
Рефа	227
Новый поселок	229
Зима	232
За когтями медведя	234
Надо спасти Уоми	236
У берлоги	238
Оба живы	241
Кто защитит?	245
Выгнал из дому	248
Суаминты	251
Лесная война	256
По следам суаминтов	260
Возвращение	262
Хонда	269
Куррумба	271
Отъезд	276

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вестник	279
Чужие	283

Знакомство	287
Заключение дружбы	292
Смотрины	294
Ехать на Мыс Идолов	297
Я – Уоми!	301
Почему боялись Ойху?	304
На Мыс Идолов	308
Свадьба медведя	311
Сердце медведя	318
У идолов	322
Ворожба	325
Кунья	329
Заключение	344